

Е.А. Терешкина

ПРУССКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ (по донесениям А.И. Чернышева накануне войны 1812 г.)

Международные отношения первой четверти XIX в. представляли собой сложный комплекс противоречий между Австрией, Англией, Испанией, Пруссией, Россией и Францией. Главной задачей европейских государств было стремление не допустить господства наполеоновской Франции на континенте. Агрессивные планы французского императора затрагивали интересы европейских стран, что обусловило появление антифранцузских коалиций и длительность борьбы. Россия приняла в этом самое непосредственное участие.

Весь спектр русско-французских противоречий четко проявился во время Гильзитского мира 1807 г., который подвел черту под многолетним периодом взаимоотношений между Россией и Францией, характеризовавшихся переходом от попыток мирного решения спорных вопросов, в том числе и прусского, к открытой конфронтации.

Мирный договор закрепил французское преобладание в Германии. Попытки Пруссии выступить на стороне России на переговорах с Францией, используя Бартенштейнскую конвенцию и план прусского канцлера Гарденберга, не увенчались успехом. Пруссия должна была заключить с Наполеоном отдельный мир, уступив при этом половину своей территории вновь образованному герцогству Вестфальскому и Великому герцогству Варшавскому, обязалась платить Франции контрибуцию и содержать французские оккупационные войска на своей территории.

Вместе с тем сохранение Пруссии, хотя и в урезанном виде, следует считать успехом российской внешней политики. Сохранение прусской монархии было необходимо для укрепления безопасности России в будущем.

В 1808 г. место Пруссии в русско-французских отношениях изменилось.

В Эрфурте был затронут широкий круг вопросов: война с Англией, отношения с Австрией, прусские и турецкие дела. Уже 17 (29) сентября министр иностранных дел Франции Ф.-Ж. Шампаньи представил министру иностранных дел Российской империи Н.П. Румянцеву проект новой союзной конвенции и объяснитель-

ную записку к нему¹, которые легли в основу переговоров. Наполеон стремился использовать свидание в Эрфурте, чтобы снять с себя ответственность за продолжение войны с Англией, а если бы Англия выдвинула неприемлемые условия мира, договориться о совместных действиях против нее. Указанный проект Шампаньи содержал предложение обратиться к английскому королю с призывом начать переговоры о мире. Франция также соглашалась на присоединение Финляндии, Валахии и Молдавии к русским владениям, но с условием, что до начала переговоров об общем мире это согласие будет держаться в секрете, чтобы помешать сближению Турции с Англией. В записке предлагалось потребовать от Австрии в качестве доказательства ее мирных намерений признать «новый порядок вещей, установленный в Испании».

Румянцев принял предложение Шампаньи призвать Англию к мирным переговорам², но отклонил предложение о передаче Франции части территории Австрии на Адриатическом побережье и предоставлении Австрии вознаграждения за счет Турции, что могло бы привести к столкновению интересов Австрии и России. Александр I отказался также потребовать разоружения Австрии³. Россия ограничилась принятием обязательства объявить войну Австрии, если последняя начнет войну с Францией⁴. В австрийском вопросе русский император не пошел на уступки Бонапарту, так как главной целью встречи для него являлось предотвращение войны Франции с Австрией. Александр I не мог допустить этого столкновения, поскольку оно сорвало бы все его планы, касавшиеся негласной подготовки к войне с Бонапартом, и именно поэтому пошел на уступки в прусском вопросе. В результате переговоров в Эрфурте франко-русский союз был закреплен. Однако Наполеон не добился своей цели использовать Россию для устрашения Австрии. Сопrotивление Александра I требованиям Наполеона стало известно Австрии через Талейрана, вступившего в тайные отношения с русским императором⁵. В результате Александр пришел к выводу, что во Франции появились антинаполеоновские настроения, являвшиеся предвестником кризиса империи Бонапарта.

¹ *Tatischeff* S.S. Aleksander I et Napoleon d'apres leur correspondance inedit, 1801—1812 années. P., 1891. P. 444.

² Внешняя политика России XIX — начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел (далее — В.П.Р.). Сер. I. 1801—1815. М., 1960—1972. Т. 4. Док. № 158 (Записка министра иностранных дел Н.П. Румянцева. Эрфурт, 17 (29) сентября 1808 г.).

³ Там же. Док. № 207. С. 465 (Министр иностранных дел Н.П. Румянцев — Александру I. Париж, 12 (24) января 1809 г.).

⁴ Там же. Прим. 253. С. 654.

⁵ Там же. Прим. 247. С. 652.

После Эрфурга Австрия активизировала военные приготовления. Требование же Наполеона оказать на нее давление только усилило недоверие Александра I к французскому императору.

Теперь прусский вопрос уже не занимал центрального места в разногласиях между Александром и Наполеоном, как это было в 1807 г. В данный период прусское государство выступало в качестве инструмента влияния России на Францию и Франции на Россию в решении наиболее важного для них Восточного вопроса. Прусское государство рассматривалось как предмет торга.

Что же касается влияния прусской монархии на международную политическую ситуацию в Европе, то она его полностью утратила, сделавшись в 1807 г. второстепенной державой.

Понимая свою зависимость от России и от Франции, прусское правительство стало применять политику лавирования между ними. Особенно ярко эта тактика проявилась во время заключения франко-прусской конвенции в августе 1808 г. в Берлине. Необдуманно подписав соглашение, прусское правительство сразу обратилось к Александру I с просьбой пересмотреть условия договора.

В свою очередь Наполеон тоже пытался использовать Пруссию в решении Восточного вопроса, поскольку не желал присоединения трех турецких провинций к России. Связывая прусскую и турецкую проблемы воедино, он рассчитывал включить Пруссию в состав своей империи. Это ему не удалось — помешало обострение ситуации в Испании. Нуждаясь в новых воинских контингентах для подавления испанского восстания, Бонапарт согласился с требованием России относительно вывода французских войск с территории Пруссии.

Что же касается Александра I, то он в прусском вопросе занимал двойственную позицию. С одной стороны, он использовал прусскую монархию как «разменную монету» в переговорах с Наполеоном о присоединении Молдавии, Валахии и Бессарабии к России. С другой — в лице Фридриха-Вильгельма III пытался обрести союзника в возможной франко-русской войне. Но позже, в 1810 г., русский император понял, что Пруссия, проводившая «двуличную политику» в отношении как России, так и Франции, не могла стать надежным партнером по антифранцузскому блоку. Поэтому в период активной подготовки к войне российское правительство настаивало лишь на нейтралитете Пруссии. Но прусская монархия, следуя выбранной тактике лавирования, заключила антирусский союз с Францией и одновременно пообещала России придерживаться нейтралитета.

С конца 1809 г., кульминационного момента военных успехов Бонапарта, стала очевидной неизбежность русско-французского конфликта. В ответ на «бездействие» России в войне Наполеон

передал герцогству Варшавскому большую часть Восточной Галиции, оставив России лишь незначительную территорию⁶, чем нарушил свое обещание не расширять границы герцогства.

К этим противоречиям добавлялись другие: ольденбургский вопрос, русский тариф 1810 г. и континентальная система, взаимное сокращение вооруженных сил, а также неопределенное политическое положение Пруссии и вывод отсюда французских войск.

Таким образом, в период с конца 1808 по середину 1812 г. прусский вопрос занимал не главное место в русско-французских взаимоотношениях. Это было время дипломатической подготовки двух европейских держав к войне. Однако сказать, что он играл второстепенную роль, тоже нельзя.

В поисках союзников Александр и Наполеон не делали главную ставку на Пруссию, между Францией и Россией шла закулисная борьба за удержание прусской монархии в сфере своего влияния.

Какова же была позиция России в прусском вопросе, как она виделась доверенному лицу Александра I при дворе французского императора Александру Ивановичу Чернышеву?

Донесения А.И. Чернышева отложились в фонде канцелярии Министерства иностранных дел, материалы которого отражают важнейшие дипломатические отношения России с иностранными государствами за период с 1797 по октябрь 1917 г. Собственно-ручные депеши и донесения А.И. Чернышева составляют шесть дел и датируются 1809—1812 гг.

Проводя многочасовые личные беседы с Бонапартом, А.И. Чернышев получал «из первых рук» исключительно важную военно-политическую информацию, о которой регулярно сообщал русскому императору. В письмах Чернышев старался передать «каждое выражение (Наполеона. — *Е.Т.*), в котором проглядывалась хоть какая-нибудь идея или пробивалась хоть какая-нибудь затаенная мысль»⁷. Он «пытался удерживать в памяти... насколько это возможно»⁸, все слова, сказанные ему французским правителем. В этих письмах русский представитель передавал содержание разговоров с Бонапартом и свои рекомендации, сводившиеся к нескольким тезисам: обратить пристальное внимание на Пруссию⁹ как на союзницу России особенно на фоне ухудшения русско-французских

отношений, заключить мир с Османской империей, чтобы с помощью «освободившихся» войск выручить будущего союзника из затруднительного положения¹⁰. Очень подробно Чернышев говорил о ненависти всего прусского общества к Франции и о дальнейшей судьбе прусской монархии¹¹. Посланник излагал Александру свои предложения по сближению с берлинским двором. Русский император внимательно изучал эти предложения и высоко ценил их. Свидетельством тому является посещение Румянцевым (по личному распоряжению Александра I) матери Чернышева для выражения ей монаршей благодарности за сына.

В своих депешах министру Чернышев докладывал о намерении французского правительства ввести в заблуждение Пруссию, чтобы помешать ей присоединиться к антифранцузской коалиции во главе с Россией¹², сообщал о распространившемся слухе, будто Наполеон намерен устроить Германию и государства Рейнского союза по подобию Франции и тем самым поставить их под контроль Бонапарта¹³, в своих последних депешах писал о желании Наполеона решить судьбу Пруссии еще до начала войны с Россией¹⁴, а также о тайных переговорах прусского правительства с Францией¹⁵.

В депешах Румянцеву он основное внимание уделял политике французского правительства и изложению фактического материала.

Дополняя друг друга, письма А.И. Чернышева императору и его депеши Н.П. Румянцеву представляют собой бесценный источник для изучения прусского вопроса в системе русско-французских отношений. Данный комплекс документов до сегодняшнего дня не использовался в исторической литературе и впервые вводится в научный оборот.

Главное внимание А.И. Чернышев уделил следующим аспектам взаимоотношений России, Пруссии и Франции. Он писал:

1) о роли и месте Пруссии в предстоящем русско-французском конфликте;

¹⁰ Там же. Л. 67 (А.И. Чернышев — Александру I. Париж, 29 марта/10 апреля 1811 г.).

¹¹ Там же. Л. 77—79 (А.И. Чернышев — Александру I. Париж, 5/17 июня 1811 г.).

¹² Там же. Д. 9045. Л. 70—72 (А.И. Чернышев — Н.П. Румянцеву. Париж, 5/17 июля 1811 г.).

¹³ Там же. Л. 104 (А.И. Чернышев — Н.П. Румянцеву. Париж, 5/17 августа 1811 г.).

¹⁴ Там же. Л. 115 (А.И. Чернышев — Н.П. Румянцеву. Париж, 7/19 сентября 1811 г.).

¹⁵ Там же. Л. 159—160 (А.И. Чернышев — Н.П. Румянцеву. Париж, 31 декабря 1811 г./12 января 1812 г.).

⁶ Там же. Т. 5. Прим. 174. С. 679.

⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Канцелярия Министерства иностранных дел. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9033. Л. 94 (А.И. Чернышев — Александру I. Париж, 9/21 октября 1810 г.).

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 9044. Л. 45 (А.И. Чернышев — Александру I. Париж, 29 марта/10 апреля 1811 г.).

2) о возможных выгодах и преимуществах, которые сулил России и Франции союз с Пруссией;

3) о степени влияния прусского вопроса на русско-французские отношения.

А.И. Чернышеву удалось заполучить донесение французского министра Шампаньи¹⁶, которое было подготовлено по поручению Бонапарта. В донесении говорилось о значении Пруссии во французской политике¹⁷ на 1810 г. и о настроении умов не только в Пруссии, но и в Германских землях, где преобладала ненависть и желание отомстить угнетателям¹⁸. «Настоящее положение Пруссии, — писал Шампаньи, — несмотря на ее слабость, заслуживает особого внимания»¹⁹. Однако необходимо четко понимать, какие выгоды может доставить Пруссия Франции в качестве союзницы и какими опасностями она может угрожать последней как неприятель. По мнению Шампаньи, Наполеону, если он намеревался поддерживать континентальную систему в Европе, следовало изгнать англичан из Испании. Но при этом нужно было избегать конфликтов на севере Европы. Шампаньи полагал, что Россия еще не скоро завершит свои дипломатические переговоры с Турцией, так как фантастическое упорство султана и надежды, внушенные Руффином (посланником Франции в Константинополе) дивану, обеспечат Франции некоторую отсрочку, которую не могли предвидеть русские политики. Но вполне возможен и другой ход событий: при молчаливом согласии Англии, желавшей ускорения переговоров в Молдавии, русско-турецкий мир будет заключен в 24 часа, а договор подписан на барабанах, как в Кайнарджи. В таком случае Россия сможет ввести свои войска в Польшу, расположив их эшелонами от Брода до Минска, а также объявить о сближении с Англией, нарушив тем самым континентальную систему и открыв Балтийское море английской торговле под предлогом повышения курса и кредита своих бумажных денег. Следствием подобных действий неизбежно станет война Франции против России, что повлечет за собой переход французскими войсками Эльбы и их продвижение к Берлину. Будет ли тогда Пруссия другом Франции или станет ее врагом?

¹⁶ Там же. Л. 85—90. Приложение (Шампаньи — его императорскому и королевскому величеству. Фонтенбло, 16 ноября 1810 г.).

¹⁷ Там же. Л. 85. Приложение (Шампаньи — его императорскому и королевскому величеству. Фонтенбло, 16 ноября 1810 г.).

¹⁸ Там же. Л. 70 (А.И. Чернышев — Н.П. Румянцеву. Париж, 5/17 июля 1811 г.).

¹⁹ Там же. Л. 85. Приложение (Шампаньи — его императорскому и королевскому величеству. Фонтенбло, 16 ноября 1810 г.).

Если между Парижем и Берлином будут заключены союзнические отношения, то Франция, как считал Шампаньи, получит в свое распоряжение тридцати- или сорокатысячное войско, плохо относящееся к французской империи, которое прусское государство не сможет содержать из-за своих финансовых трудностей. Если же Пруссия будет настроена враждебно, то положение прусской монархии изменится. «Вы, — писал Шампаньи Наполеону, — уже владея Глогау, Кюстрином и Штеттином, не имеете даже нужды оставлять Парижа, чтобы ужас прогнал берлинский дом за Вислу»²⁰. Тогда, завоевав прусское государство, Франция сможет владеть и управлять всеми средствами Бранденбурга, Померании и Силезии, а также обходиться с ними, как завоеватель, что предоставит французской империи величайшие выгоды. Но при этом прусская армия может увеличиться на несколько тысяч человек, объединенных бедностью, отчаянием и ненавистью к французам. Саксонцы, поляки, король вестфальский (владения которого не могут быть увеличены до тех пор, пока Франция состоит в союзе с Пруссией) увидят, что Силезию и Бранденбург французская империя может щедро вознаградить за их поддержку против берлинского дома²¹.

Таким образом, по мнению французского министра, союз с берлинским домом как бесполезен во время мира, так и обременителен в случае войны с Россией. Пока положение Европы и политика Англии остаются прежними, Франции не следует менять ни союзников, ни друзей. Если же петербургскому кабинету удастся вынудить турок уступить свои области в верховье Дуная, а также сблизиться с лондонским двором, то французским войскам придется передислоцироваться с Пиренеев на Вислу. В таком случае Франции потребуется верность поляков и шведов, которые будут вознаграждены за счет России. Кроме того, надежды получить прусские земли (если Пруссия будет находиться в антифранцузском блоке) заставят Вестфалию, Саксонию встать на сторону Франции и, быть может, даже Австрия двинет свой вспомогательный корпус в Верхнюю Силезию. Таким образом, Рейнский союз и венский двор обеспечат безопасность границ Франции и мир в Средней и Южной Европе. Пока Петербург еще поддерживает мирные отношения и союз с французским правительством, Бонапарту следует использовать это время для наведения порядка

²⁰ Там же. Л. 88. Приложение (Шампаньи — его императорскому и королевскому величеству. Фонтенбло, 16 ноября 1810 г.).

²¹ Там же. Л. 89. Приложение (Шампаньи — его императорскому и королевскому величеству. Фонтенбло, 16 ноября 1810 г.).

в Испании и Португалии. Но при таком положении дел необходимо постоянно следить за действиями северных держав и дать возможность событиям созреть, не ускоряя их хода²².

Когда же французская империя станет граничить с Балтийским морем, тогда Пруссия будет полностью окружена как французскими владениями, так и владениями союзников Наполеона. Французские гарнизоны останутся в трех лучших крепостях страны, 70 млн еще не уплаченной прусской монархией контрибуции поглотят все доходы самых лучших прусских областей, а ее порты будут закрыты французскими таможенными учреждениями, сделав тем самым торговлю с Англией невозможной.

Помимо этого французского министра беспокоило нескрываемое недоверие и недовольство политикой берлинских правящих кругов.

После смерти королевы Луизы, сообщал Шампаньи французскому императору, Фридрих-Вильгельм III погрузился в нравственное оцепенение, из которого его тщетно пытались вывести. От имени монарха страной управлял прусский министр Гарденберг, не отличавшийся, по мнению Шампаньи, ни силой характера, ни умом, ни ревностной деятельностью²³. Гарденберг управлял страной, а им самим, считал Шампаньи, управляла антинаполеоновская «партия», господствовавшая на севере Германии и стремившаяся распространить свое влияние на Вену и даже Баварию. Идеи этой «партии» охватили университеты, ученые общества, мистические собрания, т.е. самые широкие слои населения. По мнению Шампаньи, эта «партия» стремилась уничтожить королей и овладеть сознанием народов. Всеобщая ненависть к Франции позволяла ей приобрести многочисленных агентов²⁴. Главная цель данной «партии» состояла в том, чтобы объединить всю Германию в едином восстании против Франции и профранцузского правительства и захватить в свои руки власть, но до этого позаботиться о том, чтобы заполнить все кабинеты единомышленниками, для которых Франция служила бы объектом вечного страха и ненависти. Представителями этой «партии», считал Шампаньи, являются Стадион в Австрии и Гарденберг в Пруссии. Трудно с точностью сказать, писал он Наполеону, какое место занимал прусский министр в этом мрачном заговоре²⁵. Тайные донесения

²² Там же.

²³ Там же. Л. 85. Приложение (Шампаньи — его императорскому и королевскому величеству. Фонтенбло, 16 ноября 1810 г.).

²⁴ Там же. Л. 86. Приложение (Шампаньи — его императорскому и королевскому величеству. Фонтенбло, 16 ноября 1810 г.).

²⁵ Там же. Л. 87. Приложение (Шампаньи — его императорскому и королевскому величеству. Фонтенбло, 16 ноября 1810 г.).

французского посланника в Берлине, на основе которых был составлен доклад министра, указывали на то, что Гарденберг находился в тесной дружбе с князем Вингенштейном, семейство которого понесло большие потери в связи с созданием Вестфальского королевства и через которого Берлин пытался сблизиться с Англией и особенно Россией.

Подтверждение тому Шампаньи усматривал в намерении берлинского дома породниться с российской императорской семьей. Так, герцог Виченский, представитель Франции в Пруссии, в последних своих депешах в конце 1810 г. уверял Наполеона в том, что петербургский двор был поставлен в известность о намерении Фридриха-Вильгельма III просить руки Анны Павловны и что переговоры по этому поводу держались в глубокой тайне. Герцог Виченский предполагал, что именно поэтому двое прусских агентов, приехавших в Россию, остановились не в Санкт-Петербурге, а в Твери, у великой княгини Екатерины, враждебно настроенной против Франции. Великая княгиня, в свою очередь, сообщила предложения Берлина вдовствующей императрице. Однако Александр I посчитал разумным отложить решение о браке до заключения мира с турками. Тогда, если еще военные действия в Испании и Португалии отвлекут значительное количество сил французской империи, русскому кабинету легче будет принять предложение прусского двора²⁶.

В итоге Шампаньи делал вывод, что нет надобности усиливать связи Франции с Пруссией до тех пор, пока будут неизменными русско-французские отношения и пока дела в Испании и Португалии не придут к какому-либо решению²⁷.

С 1810-х гг. наметилось охлаждение в русско-французских связях, но императоры делали вид, что их союзническим отношениям ничто не угрожает. Так, на балу в Фонтенбло 9/21 октября 1810 г. Бонапарт во время аудиенции заявил А.И. Чернышеву, что «Россия по географическому положению прирожденная союзница Франции»²⁸, а потом уверял его в том, что «царствование императора Александра сделает его царем... самым блистательным и самым славным, которого никогда еще не видела Россия»²⁹.

Наполеон старался убедить Чернышева, а через него русское правительство, что присоединение Галиции к герцогству Варшав-

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 90. Приложение (Шампаньи — его императорскому и королевскому величеству. Фонтенбло, 16 ноября 1810 г.).

²⁸ Там же. Д. 9033. Л. 98 (А.И. Чернышев — Александру I. Париж, 9/21 октября 1810 г.).

²⁹ Там же. Л. 99 (А.И. Чернышев — Александру I. Париж, 9/21 октября 1810 г.).

скому произошло помимо его воли и ни в коем случае не должно повлиять на отношения двух императоров³⁰.

Что касается Александра I, то он также уверял Бонапарта в неизбежности союза двух держав. Вооружение русской армии (артиллеристская реформа Аракчеева 1808—1810 гг.), по его словам, было предпринято исключительно из «предосторожности», поскольку в герцогстве Варшавском постоянно велись военные приготовления³¹.

В действительности Петербург пытался склонить Берлин к союзу против Франции. Во время аудиенции у прусского короля весной 1811 г. Чернышев говорил Фридриху-Вильгельму III, что, если «судьбе будет угодно, чтобы произошел разрыв, то Россия обязательно двинется вперед, чтобы выручить Пруссию, так как никогда не теряла из виду ее интересов и благосостояния»³². По мнению Чернышева, прусский монарх был очень обеспокоен сложившейся к 1811 г. международной обстановкой. В условиях обострявшегося русско-французского конфликта Фридрих-Вильгельм III пытался определить линию своего поведения. Он опасался (и справедливо), что в случае войны между Россией и Францией Пруссия станет первой жертвой Наполеона и может вообще исчезнуть с карты Европы³³.

Чернышев считал, что «надо положить конец... недоумению Пруссии и дать ей понять с твердостью, что она не должна оставаться нейтральной»³⁴ в войне между Россией и Францией. Он надеялся, что стечение неблагоприятных обстоятельств, с которыми столкнулся Наполеон, позволит облегчить участь Пруссии. Этими обстоятельствами, по его мнению, являлись события в Испании и Португалии (отступление Массены, взятие Розы англичанами), а также продолжавшиеся военные приготовления в России. В подобной ситуации, полагал русский посланник, Петербургу следовало выбрать наиболее предпочтительный для себя путь дальнейшего развития русско-французских отношений³⁵. Несколько вариантов такого развития он изложил в своем донесении Александру I в апреле 1811 г.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Д. 9044. Л. 44 (А.И. Чернышев — Александру I. Париж, 29 марта/10 апреля 1811 г.).

³² Там же. Д. 9044. Л. 65 (А.И. Чернышев — Александру I. Париж, 29 марта/10 апреля 1811 г.).

³³ Там же. Л. 66 (А.И. Чернышев — Александру I. Париж, 29 марта/10 апреля 1811 г.).

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 68 (А.И. Чернышев — Александру I. Париж, 29 марта/10 апреля 1811 г.).

Первое из его предложений состояло в том, чтобы как можно быстрее заключить мир с турками; присоединить расположенные в Молдавии войска ко всем тем, которые уже были собраны на западных границах, и двинуть их вперед с возможной быстротой, пользуясь удаленностью и распыленностью большей части войск Наполеона — и все это для того, чтобы нанести решающее поражение Франции, выручить Пруссию и получить ее армию. «Исполнение такого плана, по мнению А.И. Чернышева, объединило бы громадные выгоды, сильно повлияло бы на нравственную сторону всех европейских народов и тем самым направило бы интерес европейских государств в сторону России»³⁶. Второе — предусматривало возможность воспользоваться расположением Наполеона и потребовать у него Данцинг взамен Ольденбургского герцогства, а также вывода французских войск и очищения трех прусских крепостей (Штеттине, Кюстрине, Глогау) как гарантии его намерений в отношении Польши. Переговоры рекомендовалось вести с энергией и твердостью, не позволяя их затягивать, а в случае отказа привести в исполнение первый план.

И третье сводилось к тем же переговорам, которые, однако, следовало проводить в более уступчивой форме. Одновременно надо было согласиться на разоружение и на отход русских дивизий, но не слишком далеко. Это, считал Чернышев, усыпило бы бдительность Бонапарта и позволило бы ему сосредоточить все внимание на Испании, что сделало бы его менее опасным для России. При таком повороте событий Россия приобрела бы возможность первой нанести удар по Франции³⁷.

Чтобы хоть один из этих вариантов мог быть воплощен в жизнь, нужна была, по мнению Чернышева, помощь Пруссии, а именно ее войск. Поэтому в очередном из своих донесений Александру I он писал об идее создания «иностранных полков в наших войсках как средства, которым можно воспользоваться в нашу пользу»³⁸ во время войны с Бонапартом. По мнению автора, предпосылки для возникновения этой идеи зародились в Германии еще с самого начала Великой французской революции, в 1789 г. Несчастья возбудили в Германии всеобщее недовольство Францией. Однако поражение Австрии в войне 1809 г., нерешительность Пруссии, недостаток единства в действиях, отсутствие точки опоры, которая могла бы сплотить защитников «доброго дела», и, быть может,

³⁶ Там же. Л. 69 (А.И. Чернышев — Александру I. Париж, 29 марта/10 апреля 1811 г.).

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 74 (А.И. Чернышев — Александру I. Париж, 5/17 июня 1811 г.).

тайное недоверие Пруссии к Австрии, на которую во многих местностях Германии и особенно на юге не привыкли еще смотреть как на освободительницу, стали причинами того, что это недовольство не повлекло за собой никаких последствий³⁹. По мнению Чернышева, «если бы пятидесятитысячный корпус пруссаков двинулся на государства Рейнского союза в это время, то, вероятно, последствия были бы иные, может быть, даже, если бы продолжалась война, по примеру Тироля и Испании, то вспыхнул бы огонь, который повсюду в Германии и особенно на севере тлел и еще тлеет под пеплом»⁴⁰.

Венский мир 1809 г. положил конец войне, но не уничтожил всеобщей ненависти к Франции. Напротив, уверял Чернышев императора, новые насильственные притязания французской стороны только ее усилили. Наполеон ввел сорокапроцентный налог на собираемые «вооруженною рукою» колониальные вещи, потребовал сжигать все английские товары, а также пожелал присоединить к Франции Голландию и Ганзейские города. Все эти меры довели отчаяние немецкого народа до такой степени, которой оно никогда не достигало⁴¹. Насилие Франции особенно ощутимо было на севере Германии, где шло уничтожение торговли. Помимо этого продолжительное присутствие французских войск в регионе, а также их содержание повлекло за собой огромные издержки, распространяя повсюду бедность и отчаяние. Крестьяне, фабриканты, купцы, дворяне, немецкие солдаты — все были одержимы одним чувством ненависти к Франции⁴². Одновременно усилилось недовольство дворянства, вызванное декретами французского правительства, направленными против тех⁴³, кто по происхождению принадлежал к государствам Рейнского союза и служил в Австрии и Пруссии. Дело в том, что младшие сыновья семейств Германии поступали на службу этих двух государств, но преимущественно на австрийскую. Данные декреты были обнародованы перед войной 1809 г., но никто не повиновался им и не оставил службу. Многие из молодых людей, которые прежде не были на австрийской службе, записались в ряды австрийской армии в 1809 г., так как не желали служить императору Наполеону. Однако уменьшение австрийской армии не только затрудняло набор новых офицеров, но и привело к тому, что приходилось увольнять многих старых и весьма достойных.

³⁹ Там же. Л. 77 (А.И. Чернышев — Александру I. Париж, 29 марта/10 апреля 1811 г.).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Л. 76 (А.И. Чернышев — Александру I. Париж, 5/17 июня 1811 г.).

⁴² Там же. Л. 78 (А.И. Чернышев — Александру I. Париж, 5/17 июня 1811 г.).

⁴³ Там же. Л. 79 (А.И. Чернышев — Александру I. Париж, 5/17 июня 1811 г.).

В Пруссии уменьшение войск было еще значительнее, и офицеров без назначения насчитывалось еще больше. В Германии образовалось огромное число офицеров⁴⁴, которые искали новую службу, потеряв прежнюю из-за французских декретов. России было выгодно использовать прусских военных в войне против Наполеона. Немецкий генерал Вальмоден предложил устроить в Австрии корпус немецких войск до начала войны. Но реализация этой идеи была возможна только при условии союзных отношений с Австрией⁴⁵. Таким образом, по мнению Чернышева, создание немецкого корпуса в середине 1811 г. подтолкнуло бы Пруссию в случае ее войны с Францией к заключению открытого союза с Александром I.

Что же касается Франции, то в мае 1811 г. Наполеон написал письмо баварскому королю, в котором требовал от последнего немедленно отправить в Данциг баварские войска. Король Баварии пытался отказаться, но в конце концов монарх был вынужден послать сначала один полк, а потом, по мере ухудшения русско-французских отношений, дивизию⁴⁶.

Помимо этого, сообщал Чернышев Румянцеву, «Наполеону удалось к середине 1811 г. собрать более 300 тысяч хороших войск, занять весьма выгодную операционную линию, опирающуюся на первоклассные крепости прусской монархии. Таким образом, Бонапарт хотел решить судьбу Пруссии, окружив ее со всех сторон, что предопределило бы исход войны с Россией: в данном случае русско-французская война была сведена бы в одну непродолжительную кампанию»⁴⁷.

Излагая мнение герцога Бассано, с которым А.И. Чернышев имел продолжительную беседу, он написал, что судьба Пруссии была решена уже к началу войны 1812 г. Прусское государство, а также стратегическая крепость Глогау полностью находились под контролем Франции.

По мнению А. Чернышева, «единственное желание императора Наполеона заключалось в том, чтобы выиграть время»⁴⁸ и определиться с другими странами, так как превратить Пруссию в свою союзницу ему уже практически удалось: Фридрих-Вильгельм III подписал соглашение с Бонапартом о занятии французскими войсками Кенигсберга⁴⁹, важного стратегического пункта в русско-

⁴⁴ Там же. Л. 80 (А.И. Чернышев — Александру I. Париж, 5/17 июня 1811 г.).

⁴⁵ Там же. Л. 82 (А.И. Чернышев — Александру I. Париж, 5/17 июня 1811 г.).

⁴⁶ Там же. Л. 104 (А.И. Чернышев — Александру I. Париж, 5/17 июня 1811 г.).

⁴⁷ Там же. Л. 115 (А.И. Чернышев — Н.П. Румянцеву. Париж, 7/19 августа 1811 г.).

⁴⁸ Там же. Л. 45 (А.И. Чернышев — Александру I. Париж, 29 марта/10 апреля 1811 г.).

французской войне. Прусский министр Круземарк, уже не смущался присутствием русских представителей при французском дворе, обсуждал с Бонапартом ход дальнейших совместных действий против России. Но при этом он же передавал все свои разговоры с Наполеоном русскому посланнику, и русское правительство знало, что проход французских войск через Пруссию совершался ежедневно, правда, небольшими отрядами⁵⁰. В то же время берлинский двор возлагал большие надежды на приезд графа Нессельроде, который мог бы отсрочить военные действия⁵¹. Как известно, 12 (24) февраля 1812 г. франко-прусская союзная договор и военная конвенция были заключены. Пруссия обязалась выставить двадцатитысячный вспомогательный корпус для войны с Россией. Эти соглашения были дополнены указом прусского короля от 3 (15) апреля 1812 г. о запрещении ввоза в Пруссию российских товаров. За все это королю в случае победы обещалась территориальная компенсация⁵².

Таким образом, прусский вопрос с конца 1809 по середину 1812 г. был одним из главных в русско-французских взаимоотношениях. По мере нарастания противоречий Александр и Наполеон начали искать союзников. Но ни французское, ни русское правительства не делали ставку на Пруссию. Тем не менее Франция добилась от Фридриха-Вильгельма III присоединения к антирусской коалиции, получила выгодные стратегические крепости Пруссии. России не удалось склонить Пруссию на свою сторону, но Петербург получил от Берлина заверения в том, что будет сделано все возможное для неучастия в военных действиях против русских войск. Свое обещание прусская монархия сдержала. Однако сказать, к какой из держав Пруссия тяготела больше, невозможно. В 1812 г. силы Франции и России были практически равны, и Пруссия, заключив союз с одной из держав, обещала нейтралитет другой.

Что же касается роли Пруссии в русско-французских отношениях с 1810 по 1812 г., то она была одной из ведущих. Если бы Пруссия была союзницей России, она явилась бы главным барьером на пути французских войск, но, став союзницей Франции и передав крепости Наполеону, Пруссия превратилась в важный стратегический форпост Франции против России. Между Россией

⁴⁹ Там же. Д. 9045. Л. 142 (А.И. Чернышев — Н.П. Румянцеву, Париж, 6/18 декабря 1811 г.).

⁵⁰ Там же. Л. 159 (А.И. Чернышев — Н.П. Румянцеву, Париж, 31 декабря 1811/12 января 1812 г.).

⁵¹ Там же. Л. 160 (А.И. Чернышев — Н.П. Румянцеву, Париж, 31 декабря 1811/12 января 1812 г.).

⁵² В.П.Р. Т. 6. Прим. 343. С. 734.

и Францией шла закулисная борьба за привлечение этой монархии на свою сторону.

Понимая всю шаткость своего положения, Фридрих-Вильгельм III никак не мог определиться, с кем же лучше и выгодней «дружить», и именно поэтому пытался лавировать между двумя императорами.

Как только Наполеон узнал о возможном прусско-русском династическом союзе, который мог укрепить связи России и Пруссии в конце 1810 г., он решил несколько смягчить политику в отношении Пруссии и начал переговоры о заключении союза. Наполеон понимал, что мог нанести прусскому государству удар, от которого оно быстро не оправится, но у него была другая цель, а именно поправить свои финансы, устроить внутреннее управление, преобразовать армию и получить новые средства от продажи государственного имущества и церковных имений⁵³ — все это нужно было для подготовки к войне с Россией.

России же не удалось добиться присоединения прусской монархии к своему антифранцузскому блоку, но она добилась большего, нежели Бонапарт. Находясь в антирусской коалиции, Пруссия заняла по отношению к России позицию военного нейтралитета. Таким образом, какой бы исход ни имела русско-французская война, Пруссия не оказалась бы в проигрыше.

Что касается А.И. Чернышева, то его дипломатическая деятельность в Париже заслуживает наивысших похвал. Ведя будто бы праздный образ жизни, он постоянно находился в контакте с Талейраном, Шампаньи, Бертье, Дюроком, Савари, а также пользовался расположением у сестры Наполеона принцессы Боргезе. Его наперебой приглашали на званые обеды и вечера. На знаменитом балу у князя Шварценберга по случаю бракосочетания Наполеона с Марией-Луизой, в конце которого возник сильный пожар, А.И. Чернышев сумел отличиться в глазах французских великосветских кругов: спас жизнь супругам маршалов Нея и Дюрока, а также сенатора Богарне.

Формальные обязанности, развлечения ни в коей мере не притупляли бдительности Чернышева — он продолжал зорко следить за планами и намерениями французского императора и немедленно докладывать о них в Петербург. А.И. Чернышев был одним из первых, кто уже в 1810 г. предупредил Александра I о реально надвигающейся на Россию опасности и необходимости подготовки страны к отражению агрессии. В числе важных каналов секретной военной информации, использовавшихся им в это время, особое место занимал некий тайный агент «М».

⁵³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9045. Л. 87. Приложение (Шампаньи — его императорскому и королевскому величеству. Фонтенбло, 16 ноября 1810 г.).

Первоначальную вербовку «М» осуществил секретарь русского посольства Убри еще в 1803 г. За материальное вознаграждение агент передавал сведения об организации и расположении французских войск. После Тильзитского мира необходимость в такой информации на какое-то время практически отпала, однако контакты с агентом сохранились (теперь через советника посольства Нессельроде). «М» по-прежнему эпизодически передавал за деньги различные сведения о французских корпусах, их перемещениях и высшем военном командовании. После отъезда Нессельроде на родину связь с «М» была передана Александру Куракину⁵⁴.

В 1808 г. «М» перевели на другую работу, и его возможности как информатора значительно снизились. Тем не менее агент проявил немало находчивости и изворотливости, чтобы вновь наладить получение столь необходимых для русской разведки сведений.

В учреждении, где работал «М», два раза в месяц составлялся документ особой важности — о дислокации и планах перемещения всех корпусов и частей французской армии. Перед докладом императору его отдавали переплетчику для брошюровки. «М» ухитрялся через ничего не подозревавшего охранника-курьера периодически получать этот документ в свои руки на три четверти часа и списывать с него самое главное. Когда и эта возможность была утрачена, «М» привлек к своей работе чиновников из числа бывших сослуживцев.

А.И. Чернышев сразу же оценил перспективы работы с документами, которые предоставлял ему «М». Войдя в непосредственный контакт с ним, Чернышев резко активизировал его деятельность, направляя ее на добывание сведений о формировании великой армии и уделяя пристальное внимание гвардии.

16 февраля 1812 г. А.И. Чернышев уехал из Парижа с очередным посланием Бонапарта к русскому императору. Его интенсивная разведывательная деятельность в обстановке явно приближавшейся войны, конечно, не могла не попасть в поле зрения местной контрразведки. В день отъезда русского полковника был арестован его слуга, уроженец Саксонии Иван Кундт, а также сосед Чернышева, так как полиция нашла его визитную карточку между изорванными, ничего не значащими бумагами, подобранными в комнате Чернышева во время обыска. После этого французская полиция учинила допрос дворнику дома, в котором жил Чернышев, намереваясь узнать, с кем встречался русский постоялец⁵⁵. В конце

⁵⁴ Там же. Д. 9039. Л. 467 (А. Куракин — Н.П. Румянцеву. Париж, 31 октября/12 ноября 1811 г.).

⁵⁵ Там же. Д. 9048. Л. 200—201 (А. Куракин — Н.П. Румянцеву. Париж, 16 февраля /1 марта 1812 г.).

февраля 1812 г. были взяты под стражу три служителя военного департамента, которых подозревали в связи с русским представителем. Полиция нашла собственноручно написанное «М» донесение⁵⁶, в котором говорилось следующее: «Вы удивитесь завтра тому, что я Вам дам. Будьте у себя в 7 часов утра. Я бросаю перо, чтобы достать сведения о дислокации великой армии в Германии по сегодняшней день. Формируется четвертый корпус, состав которого совершенно известен... Императорская гвардия войдет в состав великой армии. До завтра, «М»⁵⁷. Русский посланник в Париже А. Куракин считал, что такой оплошности со стороны Чернышева быть не могло, что это провокация, что Чернышев всегда хранил свои бумаги в посольской канцелярии под своей печатью и при отъезде сжег все документы. Но его заверили, что Чернышев, как стало известно из Петербурга, писал военные руководству против Франции русским генералам⁵⁸.

О ценной находке было немедленно доложено Наполеону, который дал указание срочно установить личность «М» и место его работы. Путь во Францию А.И. Чернышеву был закрыт⁵⁹.

Французская контрразведка довольно быстро вышла на след. Тайным агентом русской разведки оказался чиновник Военного министерства по фамилии Мишель, долгое время работавший в строго секретном отделе передислокации войск. После довольно шумного судебного процесса, который был необходим Наполеону для доказательства «черных замыслов» России и оправдания своего окончательного разрыва с ней, 1 мая 1812 г. Мишель был казнен, а его сообщники приговорены к различным срокам тюремного заключения.

В записке, продиктованной Наполеоном своему министру иностранных дел герцогу Бассано для передачи русскому послу в Париже А. Куракину, французский император писал:

«Его Величество чрезвычайно огорчен поведением графа Чернышева; он с изумлением узнал, что человек, с которым он всегда хорошо обращался и который был в Париже не в качестве политического агента, а как адъютант русского императора, аккредитованный при его Величестве собственноручным письмом русского Государя, а потому пользовавшийся большим доверием,

⁵⁶ Там же. Л. 219 (А. Куракин — Н.П. Румянцеву. Париж, 16 февраля/1 марта 1812 г.).

⁵⁷ Цит. по: Хужиков В. Из истории русской военной разведки, граф А.И. Чернышев (http://www.rau.su/observer/№29_23/29_21/HTM).

⁵⁸ ВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 9048. Л. 219—221 (А. Куракин — Н.П. Румянцеву. Париж, 1/13 марта 1812 г.).

⁵⁹ Там же. Л. 243 (А. Куракин — Н.П. Румянцеву. Париж, 4/16 марта 1812 г.).

чем посол, — воспользовался своим высоким положением и во зло употребил то, что считается наиболее святым в глазах всех людей. Его Величество льстит себя надеждою, что император Александр будет также огорчен поведением Чернышева и признает, что последний играл роль агента подкупа, одинаково осуждаемого международным правом и правилами чести. Его Величество жалуется, что под титулом, вызывавшим особое доверие, приставили к нему шпиона и притом во время мира, а это дозволительно только относительно врага и во время войны. Он жалуется, что шпионом был выбран не человек, принадлежащий к низшему сословию общества, а лицо, близко стоящее к своему Государю»⁶⁰.

Французский император, конечно, лицемерил, так как хорошо знал цену разведке, сам широко пользовался ее услугами, лично организовывал и направлял ее деятельность, в том числе и против России. Его гневная реакция объяснялась главным образом тем, что у него не хватило прозорливости раскрыть в лице молодого русского полковника блестящего разведчика, который своевременно предупредил Россию о его истинных намерениях, дав возможность русскому правительству выработать необходимую стратегию отношений как с Францией, так и с Пруссией накануне войны 1812 г.

Что же касается Александра I, то, оценивая дипломатическую деятельность своего посланника, он назвал его «самым смелым офицером, какие только известны в военной истории»⁶¹.

Поступила в редакцию
29.06.2006

⁶⁰ Цит. по: Хужоков В. Указ. соч.

⁶¹ Там же.